

Номинация: Архиважно

Название СМИ: Строительство и городское хозяйство

Автор: Наталья Андропова, внештатный корреспондент

Название статьи: Безжалостность архитектуры

Ссылка на материал: <http://stroy puls.ru/sgh/2016-sgh/170-dekabr-2016/131212/>

Петербург — не обещают архитектору безмятежную жизнь. До сих пор непонятно, существует ли в современной архитектуре язык, уместный в его историческом центре. О том, как время, власть и общество влияют на стиль и облик городов мы поговорили с архитектором, историком архитектуры Максимом Атаянцем.

- После вашей победы в конкурсе на комплекс зданий Верховного суда не могу не спросить: вас действительно вдохновляет сталинская архитектура? Или вы ощущаете спрос на такую эстетику со стороны общества?

- Не могу сказать, что сталинская архитектура как-то особенно меня вдохновляет и тем более не является образцом для подражания. Да и термин довольно расплывчатый. С 1935 по 1955 год существовало пять или шесть разных стилей, и ар-деко, и ампир... Довоенный и послевоенный сталинский стиль — совершенно разные.

Но это очень приличная архитектура. Мы поймем это, когда в массовом сознании разорвется связь между этими зданиями и людоедским режимом. Они совпали по времени и месту, это факт. Но через несколько поколений такие воспоминания сглаживаются. Иначе мы были бы вынуждены с возмущением относиться к римской архитектуре времен Калигулы.

Что касается второй части вопроса, за 17 лет, моей практики как архитектора, не было ни одного проекта, в котором я пошел на компромисс, сделав что-то в чуждом мне стиле. Я не вижу для своих идей ни благожелательной конъюнктуры, ни заказа со стороны государства и делаю то, чего мне хочется. Если завтра скажут: проектировать, как Атаянц, нельзя, для меня мало что изменится.

- Многие «прочитали» ваш проект Судебного квартала как цитату из сталинской архитектуры.

- Когда я в 1995 году защищал диплом, моей темой был Военно-морской музей в Кронштадте. За 40 лет это был первый диплом, сделанный по традициям и на языке классической архитектуры. В советское время, после Хрущева и борьбы с излишествами, эти вещи были табуированы. И вдруг появляется нечто с колоннами. Скандал! Все же защита прошла на отлично, и потом проект получил кучу международных премий.

Но в Европе любой архитектор, который позволит себе всерьез нарисовать фасад с колоннами и арками, подвергается полному остракизму со стороны архитектурного сообщества. Его просто нет, это очень жестко.

В лютом идеологическом противостоянии и в левом архитектурно-критическом и кураторском дискурсе один из самых лживых, но эффективных приемов заключается в том, чтобы всю традиционную архитектуру XX века связать с тоталитарными режимами.

На поверхности все вроде бы сходится. Но абсолютно все административные здания на территории США, построенные с 1910-го по 1950-й год...

- Что-то вроде наших райкомов партии?

- Я как специалист их отличу, а вы нет. Вот 90% всего, что построено от имени государства, - с колоннами, арками, портиками. Но мы же не записываем рузвельтовские Штаты в число тоталитарных государств.

А при Муссолини работал один из лучших архитекторов-модернистов Джузеппе Террани, его иконическое сооружение в городе Комо на севере Италии и называется Casa del Fascio. В переводе на русский - штаб-квартира местного отделения фашистской партии. В блестящем британском учебнике по архитектуре автор предупреждает, что будет подробно про эту замечательную архитектуру писать, но отказывается обсуждать ее функцию, потому что она — совершенно зверская. И это правда. Но молчать о ней — высшая степень цинизма.

Между архитектурой и режимом - не такая простая связь. Мы же не пинаем неоклассическую архитектуру 1910-х годов, которую создавали те же способные люди, которые в 1935-м делали сталинскую архитектуру. А при каком режиме работали конструктивисты?

Кстати, архитекторы сталинского послевоенного десятилетия в Петербурге сделали подвиг, не оцененный до сих пор. Множество лакун, образовавшихся после блокады и бомбежек, они тактично, с большой любовью заполнили.

А теперь сравните этот подход с тем, который современные творцы, начиная от Эрика Мооса и заканчивая Даймондом и Шмидтом, продемонстрировали на Мариинке. В итоге Петербург получил обувную коробку вместо театра.

- Сталинский стиль может цитироваться, он доступен переосмыслению, иронии?

- Ничего более скверного, чем ирония, в архитектуре не бывает. Архитектура — не литература. Она по определению абсолютно позитивная, утверждающая. Критичность, сарказм добавляют блеска тексту. Но представьте дом, который выражает омерзение автора по отношению к действительности. Попытка спрятаться за иронию при работе с классическим наследием выдает неумение, недостаток техники.

Я бы отделил архитектуру традиционную, классическую от ее имитации и стилизации. Имитировать сталинскую архитектуру, цитировать ее — путь неправильный. Но если пользоваться той же логикой построения формы, из этого творческого метода может вырасти нечто новое. Когда я делаю на доме колонны, это не стилизация, я мыслю этим способом, разговариваю этим языком.

- Почему вы выбрали для себя такой язык?

- Язык, как и веру, не выбирают. Я не могу сидеть и думать, в каком стиле мне работать. Хотя есть и вполне хорошие профессионалы, которые так поступают. Алексей Щусев, когда ему это было нужно, мимикрировал под

конструктивизм с блеском. Лучше, чем искренние конструктивисты. Взять хоть здание Министерства сельского хозяйства.

Я весь про античность. Как архитектор я вырос в ней.

- Сталинскую архитектуру можно сделать человечнее, сомасштабнее горожанину?

- Масштаб в архитектуре - это художественно выраженный размер здания в отношении к человеку. Не физический его размер! У Исаакиевского собора от подножия до основания креста — 101 м, это 30-этажный дом. Поставьте их рядом — масштаб будет разный при одинаковом физическом размере. Вопрос в том, что каждое из них выражает.

Архитектура не может не выражать своего времени, бездарная она или талантливая. В этом ее безжалостность. В лучших образцах сталинской архитектуры пренебрежение человеком вполне художественно выражено. Правда, еще более жуткое пренебрежение человеком выражено в нынешних муринских новостройках.

- В каких проектах останется наша эпоха?

- В каждом доме. Большая часть того, что строится — мусор и с художественной, и с содержательной точки зрения. Меня как думающего человека сама эпоха очень не радует. Я — как солдат на заранее проигранной битве.

- Считается, что в авторитарных государствах архитектура переживает расцвет.

- Там, где государство чувствует и понимает архитектуру как один из главных способов продвижения идеологии, общество выделяет на это

колоссальную долю совокупного ресурса — технического, финансового, организационного, творческого.

В Римской империи архитектура была главным инструментом имперской пропаганды. В сталинское время - одним из носителей идеологии. Последний пример в Европе был при Франсуа Миттеране, когда во Франции велась серьезная государственная политика в этой области.

Сейчас архитектура в этом качестве для нашего государства просто не существует. Власть не тратит на нее ни интеллектуального ресурса, ни финансового.

- Вы называли Петербург мощным имперско-государственным высказыванием. Разве XX век, когда город оказался в оппозиции к имперской Москве, ничего не изменил в его атмосфере, стиле жизни и внешнем облике?

- Более того, единственное содержание Петербурга как архитектурного организма — вот этот административно-государственный пафос. Я про физическое воплощение говорю, про сценографию, а не про то, что происходило в головах 3% горожан, хотя это и важно.

Петербург практически полностью был оформлен за 120-130 лет. Начиная с 1710 года, когда Петр начал обширные градостроительные затеи, до 1840-х, когда скелет сформировался, была задана идеология пространства, его масштабы. Конечно, когда скелет, структура плотью обрастает, это начинает выглядеть более приземленно. Но все же, оппозиционная, политическая, творческая жизнь XX века проходила на этих имперских подмостках.

В архитектурном воплощении XX век — это Ленинград, то кольцо, которое возникло и разрослось вокруг Петербурга, временами очень неуместно вторгаясь внутрь. Этот город себя выражал в сталинских постройках, в брежневских. Но к Петербургу уже не имел отношения.

- Есть архитектура, которая здесь уместна?

- Я мог бы самоуверенно заявить: та, которую делаю я. Но сейчас она здесь невозможна. Дело в другом. Профессиональное сообщество, на словах декларируя ценность Петербурга, делает все, чтобы его разрушить. Не потому, что архитекторы - злодеи, а потому что это искреннее отношение любого представителя современного искусства к традиции. Он не может переделать собственную творческую парадигму. Я исхожу при этом из презумпции полной порядочности и бескорыстности. Но считаю, что лучше вообще ничего не строить, чем испортить город.

Комплекс Верховного суда абсолютно в логике Петербурга. Весь Петербург родился вот от такого имперского, волюнтаристского жеста. Я в меру своих способностей честно и последовательно ответил на запрос власти. Оказалось, что заказчику нужна имитация.

- Вы как-то сказали, что главная проблема в частном проекте— волюнтаризм заказчика, в общественном - потолок устанавливает социальная структура общества и его цивилизационная стадия.

- Это так. Чем больше масштаб, тем быстрее упираешься в возможности общества. Я наткнулся на это дважды: в Сочи, где делал проекты к Олимпиаде, и в Судебном квартале. Причем я бы не стал противопоставлять общество и власть, хотя это и удобно. Есть состояние экономики, умов, представлений, и это нельзя взять и списать на начальство. Трагедия в том, что во власть рекрутируются, как правило, действительно самые способные.

- В западных проектах поражают не столько идеи, сколько готовность публики их позитивно воспринимать. Вам как архитектору не мешает повышенная потребность нашего общества в стабильности, в отсутствии перемен?

- Наше общество от перемен устало, это правда. Я смеюсь с оттенком сарказма, когда коллеги возвращаются из Финляндии и потрясают тамошними архитектурными журналами: «Ну вот же, это же наш регион, мы на это должны ориентироваться?». Сосны, безусловно, те же, и

географически близко. А общество настолько противоположно, насколько это возможно в принципе.

Я проектирую много жилья, в моих домах живет примерно 24 000 человек. И про людей немножко знаю. У нас общество атомизировано и боится любого коллективного действия. Люди переели этого в советское время. Сейчас преобладает стремление в свою скорлупу, в приватность, за железную дверь.

Я много ездил по Ближнему Востоку, по Северной Африке: и наблюдал, как у них это устроено. Отсюда же идея Эдема в протобиблейском смысле. И вот грязная, цвета пыли пустыня, ветер носит пакеты из-под еды, три колючки растут, забор, железные ворота. А внутри — Эдем: пальмы, фонтан, мрамор. Проблема не в том, что у хозяев нет денег, они достаточно богаты, им просто все равно, что снаружи.

В первых коттеджных поселках наши люди именно так и делали — крепость, от которой даже асфальта нет. Опять же разность потенциалов, напряжение между 10% самых бедных и 10% самых богатых таково, что нужен изолятор в виде забора. Общество идеализировать тоже не надо.

Кстати в работе над судебным кварталом я был категорически против заборов и начальственного окукливания. В ФСО нормально к этому отнеслись. Решили, что у них достаточно технологий, чтобы обеспечить безопасность, не закрывая квартал от публики.

- Сейчас власть увлечена созданием общественных пространств. А она понимает, что такое пространство годится не только чтобы в кафе посидеть, но и для спонтанной политической активности?

- История московского благоустройства 2010-х годов, как раз про то, как заместить политическую активность обывательской «кафешечной» жизнью. Благоустройство надо делать. Плохо другое. Никто не хочет делать это на Гражданке. Все рвутся мучить Большую Конюшенную, издеваться над Большой Морской. Зачем на Малой Садовой цветнички с оградками, это сельское кладбище? А наклонные могильные плиты на улице Правды?

Вот в Новой Голландии, не тронув архитектуру и ничего не разрушив, сделали нормальный мещанский сад. В Советском Союзе для населения делали господские парки, чтобы оно там ровно ходило под присмотром

милиции. А вот мещанские сады, какие были в Петербурге до революции, куда приходила публика погулять, на баяне поиграть, пофлиртовать, они нужны. Хипстерская тусовка — это и есть современное городское мещанство, и в Новой Голландии произошло точное попадание в целевую группу. Там очень хорошо все сделано.